На правах рукописи

Мотин Анатолий Владимирович

Концепция дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре публичного права и уголовно-правовых дисциплин автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет».

Научный консультант: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Рогова Евгения Викторовна**
доктор юридических наук, профессор, Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», директор
Расторопов Сергей Владимирович
доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», руководитель департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права
Шарапов Роман Дмитриевич
доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», профессор кафедры уголовного права и криминологии

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования **«Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»**

Защита состоится «12» февраля 2027 года в 14:00 на заседании диссертационного совета 75.2.016.02, созданного на базе автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет», по адресу: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 22, аудитория 529, в зале заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке АНО ВО «Российский новый университет» и на официальном сайте (https://ds.rosnou.ru).

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 75.2.016.02
доктор юридических наук, профессор И.Ю. Никодимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В строгом соответствии с этими конституционными требованиями защита прав и свобод человека, сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан объявлены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации одним из приоритетных национальных интересов[1].

Признавая принципиальное единство стратегических интересов личности, общества и государства, Стратегия национальной безопасности специальным образом подчеркивает, что реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по защите прав и свобод человека и гражданина, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности, будет способствовать не только надлежащей защите личности, но и в целом – обеспечению государственной и общественной безопасности страны.

Надлежащая защита прав человека в контексте обеспечения национальной безопасности приобретает особое значение при формировании и реализации уголовно-правовой политики российского государства, определяя смысл, содержание и применение уголовных законов, а также функционирование системы правосудия и профилактики преступлений.

Современная уголовно-правовая политика в области охраны личности призвана обеспечить адекватную и эффективную реакцию государства на широкий спектр многочисленных криминальных угроз, которые складываются в области межличностного, бытового, профессионального,

---

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (дата обращения 03.07.2021).

политического взаимодействия граждан, а также в области взаимодействия граждан и государства при реализации ими своих конституционных прав и свобод.

Предпринимаемые государством и обществом в этом направлении усилия привели в последние годы к качественному улучшению ситуации с обеспечением криминологической безопасности личности. Если в 2010 году по нормам Раздела VII УК РФ «Преступления против личности» было зарегистрировано 467447 преступлений, то в 2025 году – 190476[1].

Не последнюю роль в этом сыграли правовые меры: продолжающаяся конституционализация уголовного законодательства, уточнение и модернизация составов преступлений против личности, обновление модели взаимодействия административно-деликтного и уголовного законодательства, развитие системы альтернативных уголовному наказанию средств воздействия на лицо, совершившее преступление. В своей совокупности они отражают непрекращающиеся процессы совершенствования уголовного закона, повышения качества его социально-криминологической обоснованности и системного межотраслевого согласования.

При всей очевидной результативности, нельзя сказать, что процессы эти протекают всегда последовательно, имеют в основе долгосрочную уголовно-политическую стратегию и строгое научное обоснование. На пути реформирования уголовного закона имеется ряд нерешенных теоретических проблем, блокирующих или препятствующих его эффективному развитию, порождающих противоречивые и несогласованные законодательные решения, разрушающих системные начала отрасли уголовного права, порождающих значимые сложности в квалификации преступлений, разграничении смежных составов правонарушений, назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера.

---

[1] Форма федерального статистического наблюдения 1-ЕГС (код 491) "Единый отчет о преступности", утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 02.07.2012 г. № 250. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36225 (дата обращения 29.01.2026).

Значительная часть из них в обобщенном виде сводится к отсутствию надлежащей концепции дифференциации ответственности за преступления против личности.

Дифференциация ответственности справедливо признается одним из приоритетных направлений уголовной политики, содержательно охватывающим едва ли не весь спектр уголовно-правовых решений – от криминализации общественно опасных деяний до установления оснований освобождения от уголовной ответственности. По этой причине концепция дифференциации ответственности может быть разработана и представлена только как часть общей концепции уголовного права, отражающей его место в системе права вообще и роль в процессе правового регулирования и обеспечения безопасности.

Между тем, именно этой системности и комплексности, как представляется, явно недостает и теоретическим разработкам в области уголовного права, и реализуемым государством уголовно-правовым решениям. Как следствие, современное законодательство в части регламентации ответственности за преступления против личности обнаруживает существенные неточности, просчеты и противоречия.

В частности, не в полной мере реализованы конституционные начала определенности уголовного закона, справедливости и соразмерности предусмотренных им правоограничений при конструировании общих и специальных составов преступлений, наблюдается рассогласование законодательных положений в части конструирования квалифицирующих и привилегирующих признаков посягательств на личность, отсутствует системное решение вопросов соотношения составов административных правонарушений и преступлений, нет последовательного решения вопросов взаимодействия средств административно-правового и уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление против личности, неоправданно сложными для применения и произвольными являются санкции уголовного закона, не решен вопрос о соотношении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера за преступления против личности.

Решение этих и ряда иных проблем, столь необходимое для оптимизации уголовно-правового регулирования и повышения качества охраны личности, должно быть согласованным и взаимосвязанным, базироваться на непротиворечивой теоретико-методологической платформе, обладать свойствами устойчивости и последовательности, иметь универсальный характер, позволяющий использовать полученные результаты для прогностического развития всего комплекса уголовно-правовых предписаний. Достичь этого можно только при условии всестороннего и комплексного научного исследования проблем дифференциации ответственности за преступления против личности, что предопределяет актуальность и социальную востребованность настоящей работы.

Степень изученности темы. Вопросы дифференциации уголовной ответственности устойчиво входят в пул наиболее актуальных и перспективных тем научных исследований. При этом анализ библиографии показывает, что изучение проблем дифференциации уголовной ответственности развивается в двух основных направлениях.

Во-первых, исследование общей теории дифференциации ответственности, ее понятия и средств (Л.Л. Кругликов, Е.В. Рогова и др.), в том числе правил конструирования состава преступления (А.В. Иванчин и др.), отбора квалифицирующих признаков (Т.А. Лесниевски-Костарева и др.), освобождения от ответственности (А.В. Ендольцева и др.), отбывания наказания (А.В. Бриллиантов и др.), применения иных уголовно-правовых институтов (Д.Б. Лаптев, К.Н. Карпов и др.).

Во-вторых, это приложение общетеоретических постулатов к решению задач дифференциации ответственности за отдельные виды преступлений: экономические (М.Г. Жилкин), финансовые (В.Ф. Лапшин), информационные (Г.А. Русскевич) и т.д.

Дифференциация ответственности за преступления против личности в качестве самостоятельного предмета научного анализа в нашей литературе исследована явно недостаточно. Наука добилась определенных успехов в решении теоретико-прикладных задач дифференциации ответственности за преступления против жизни и здоровья (Э.В. Кабурнеев, М.Н. Каплин, Т.А. Плаксина, А.Н. Попов), против половой свободы и половой

неприкосновенности (А.Н. Игнатов, А.П. Дьяченко, Н.В. Тыдыкова), против конституционных прав и свобод граждан (А.Н. Красиков, А.В. Серебренникова), против несовершеннолетних (Ю.В. Николаева, Ю.Е. Пудовочкин). Однако как комплексный, целостный предмет дифференциация ответственности за преступления против личности еще не подвергалась изучению. В связи с чем некоторые значимые аспекты темы остались вне рамок научного анализа. Среди них – конституционные основы дифференциации ответственности, оценка общественной опасности преступлений и личности виновного в контексте системы оснований дифференциации уголовной ответственности, механизм и средства межотраслевой дифференциации ответственности за причинение вреда личности, взаимосвязь процессов криминализации и дифференциации ответственности, правовая природа привилегированных составов преступлений, систематизация квалифицирующих признаков преступлений против личности, дифференциация уголовного наказания и форм уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления против личности.

Таким образом, в научном осмыслении проблем дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности можно констатировать наличие ощутимого пробела, необходимость в восполнении которого дополнительно актуализирует выбор темы диссертации, предопределяет основное содержание и направления научного поиска.

Объект диссертационного исследования составляют правовые отношения, связанные с созданием и применением уголовно-правовых норм, устанавливающих и дифференцирующих ответственность за преступления против личности.

Предмет диссертации – теоретико-методологические основания, механизм, средства, формы и направления дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности.

Цель исследования заключается в разработке и аргументации основных положений концепции дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности.

Задачи диссертационного исследования, последовательное решение которых позволило достичь заявленной цели, состоят в следующем:

- конкретизировать и адаптировать для целей оптимизации уголовно-правового регулирования ответственности за преступления против личности конституционные стандарты взаимоотношений государства и личности в сфере уголовно-правовых отношений;

- определить состояние и перспективы развития механизма дифференциации ответственности в контексте общих теорий криминализации, состава преступления, уголовной ответственности и мер уголовно-правового характера;

- раскрыть содержательную характеристику общественной опасности преступлений против личности, выявить значимые для построения процессов дифференциации ответственности модели их общественной опасности;

- исследовать основные направления и возможности учета типовой степени общественной опасности в целях оптимизации системы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности;

- проанализировать статический и динамический аспект взаимодействия административно-деликтного и уголовного законодательства в части дифференциации ответственности за посягательства на личность, выявить и оценить модели такого взаимодействия;

- определить основные направления и средства дифференциации уголовной ответственности в процессе конструирования и систематизации преступлений против личности;

- разработать теоретические правила отбора и конструирования квалифицирующих признаков составов преступлений против личности, оценить эффективность и определить перспективы развития современной системы дифференциации ответственности с учетом квалифицирующих признаков;

- оптимизировать теоретические основы дифференциации уголовной ответственности посредством санкций уголовного закона, определить перспективные подходы к моделированию санкций за преступления против личности;

- обосновать перспективные решения в области дифференциации форм уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления против личности, на основе развития системы мер уголовно-правового характера.

Методологическая основа диссертационного исследования образована совокупностью философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность и всесторонность в изучении проблем дифференциации уголовной ответственности.

Философскую базу диссертации составили категории и принципы диалектики, предъявляющей к процессу исследования социально-правовых явлений требования логической определенности, исторической конкретности, связи теории с практикой.

В основу исследования положен системный подход. Его важнейшие постулаты и категории («модель», «функция», «система», «элемент», «оптимальность» и др.) позволили рассмотреть механизм дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в единстве образующих его компонентов и в качестве элемента общего механизма уголовно-правового регулирования.

Исследование опирается на идеи конституционного правопонимания и гносеологический потенциал аксио-телеологической интерпретации нормативных правовых актов, апробированной многочисленными решениями Конституционного Суда РФ.

В процессе подготовки работы использованы доказавшие свою эффективность общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция, классификация, типологизация, моделирование) и частно-научные методы уголовно-правовых исследований (логико-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод анализа документов, метод сводки и группировки данных, экспертный опрос):

- анализ и синтез использованы в процессе изучения компонентов механизма дифференциации уголовной ответственности, определения ее оснований, направлений, форм, средств и функционального назначения в механизме уголовно-правового регулирования, а также для оценки

сформированных в науке подходов к решению рассматриваемых в диссертации проблем;

- дедукция и индукция применены в интересах структурной деконструкции механизма дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, понимания частных условий эффективности отдельных средств дифференциации ответственности с последующей конструктивной сборкой модернизированной уголовно-правовой теории;

- классификация и типологизация были востребованы в интересах определения видов дифференциации уголовной ответственности, систематизации мер уголовно-правового характера, для упорядоченного представления значимых проблем нормативной градации ответственности и вариантов их разрешения, а равно для выявления сформулированных в доктрине позиций по рассматриваемым в диссертации проблемам;

- моделирование применялось для обобщенного инструментально значимого представления содержания общественной опасности преступлений против личности, определения способов межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность, в целях разработки оптимальных подходов к конструированию санкций уголовно-правовых норм;

- логико-юридический метод применялся в процессе толкования уголовно-правовых норм, уяснения смысла и содержания уголовно-правовых понятий и конструкций;

- историко-правовой метод использован для установления основных тенденций эволюции нормативной концепции дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в интересах лучшего понимания современной законодательной практики;

- сравнительно-правовой метод позволил выявить и оценить некоторые перспективные нормативные решения в части дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в некоторых иностранных юрисдикциях;

- метод анализа документов использован для выявления предпосылок принятия отдельных законодательных решений, определения

конституционного содержания уголовно-правовых норм, изучения судебной практики толкования и применения уголовно-правовых норм;

- статистический метод сводки и группировки данных позволил выявить и проанализировать основные тенденции динамики законодательной и судебной практики дифференциации и индивидуализации мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против личности;

- социологический метод экспертного опроса применен для выяснения мнения профессионального сообщества к возможным вариантам решения проблем, определяющим содержание разрабатываемой концепции.

Нормативную основу диссертации образуют:

- Конституция РФ, устанавливающая основы уголовно-правового регулирования, в том числе в части возложения на государство обязанности дифференцировать ответственность и индивидуализировать правовое воздействие на лиц, совершивших преступления против личности;

- принципы и нормы международного права (в том числе закрепленные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г., Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и др.), выступающие источником уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против личности;

- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ, устанавливающий предписания об ответственности за преступления против личности;

- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, определяющий основания административной ответственности за посягательства на интересы личности;

- иные федеральные законы (Закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре», от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и др.), регламентирующие деятельность по обеспечению криминологической безопасности личности.

В сравнительно-правовом аспекте были изучены уголовно-правовые акты некоторых зарубежных стран (Белоруссии, Германии, Голландии, Грузии, Китая, Франции) и исторические памятники российского права (УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.).

Эмпирическая база диссертационного исследования включает в себя:

- итоги изучения правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам конституционного толкования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления против личности, а также определяющих содержание прав и обязанностей государства в деле регулирования уголовно-правовых отношений и создания уголовного закона (более 270 постановлений и определений Конституционного Суда РФ, принятых в период с 1990 по 2025 годы);

- материалы изучения документов, отражающих процесс законотворческой деятельности: тексты законопроектов, пояснительные записки к ним, заключения комитетов, отзывы Правительства РФ и Верховного Суда РФ (более чем к 20 законопроектам), размещенных в сети «Интернет» на официальных сайтах Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ;

- итоги изучения Особых мнений судей Конституционного Суда РФ по отдельным решениям Конституционного Суда РФ (5 документов);

- результаты обобщения правовых позиций Верховного Суда РФ, отраженных в постановлениях Пленума и раскрывающих общеобязательное содержание уголовно-правовых норм и правила их применения (15 документов);

- материалы исследования 560 итоговых судебных решений по уголовным делам о преступлениях против личности, рассмотренным судами Российской Федерации в период 1999 – 2025 годов (сбор материалов осуществлялся посредством удаленного доступа с использованием СПС «КонсультантПлюс» и Интернет-портала «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) https://sudact.ru, а также непосредственно в архивах судов Самарской, Саратовской, Волгоградской областей);

- данные, полученные в процессе анкетирования работников научных и образовательных организаций высшего образования (148 человек), которое было проведено в 2020 – 2023 годах;

- результаты неформализованных интервью с экспертами в области уголовного права (докторами юридических наук), проведенных соискателем на всероссийских научных конференциях в 2019 – 2024 годах;

- итоги статистического анализа данных Генеральной прокуратуры РФ и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о состоянии преступности и судимости за преступления против личности в период с 2010 по 2025 годы.

Теоретическая основа диссертации представлена:

- общей теорией дифференциации уголовной ответственности, сложившейся под влиянием работ А.В. Бриллиантова, Л.Л. Кругликова, А.В. Иванчина, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Н.А. Лопашенко, Ю.Б. Мельниковой, М.А. Простосердова, Е.В. Роговой и др.;

- учением о преступлениях против личности, которое было заложено и развито в трудах Г.Н. Борзенкова, Н.И. Загородникова, А.Н. Игнатова, Э.В. Кабурнеева, А.Н. Красикова, Т.Н. Нуркаевой, Т.А. Плаксиной, А.Н. Попова, С.В. Расторопова, С.В. Склярова, Р.Д. Шарапова, М.Д. Шаргородского и др.;

- учением об основах уголовно-правового регулирования и межотраслевых связях уголовного права, разработанным в трудах О.С. Гузеевой, А.В. Денисовой, А.Э. Жалинского, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова и др.;

- учением о наказании и мерах уголовно-правового характера, которое сложилось в работах М.В. Бавсуна, И.М. Гальперина, В.К. Дуюнова, К.Н. Каплина, И.И. Карпеца, Ю.Е. Пудовочкина и др.

Научная новизна диссертации состоит в разработке и аргументации теоретико-прикладной концепции внутриотраслевой и межотраслевой дифференциации ответственности за преступления против личности, опирающейся на конституционные принципы уголовно-правового регулирования, учитывающей социально-криминологические, системно-правовые и юридико-технические особенности отражения в уголовном

законе характера и степени общественной опасности преступлений против личности и виновных в их совершении лиц.

В рамках данной концепции:

- представлена конституционная концепция дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, позволяющая рассматривать ее в качестве обязанности государства как субъекта уголовно-правовых отношений;

- модернизированы теоретические представления о видах дифференциации уголовной ответственности, соотношении дифференциации и индивидуализации ответственности, дифференциации ответственности и дифференциации уголовного наказания;

- уточнены представления о характере общественной опасности преступления, типовой степени и типовом характере общественной опасности посягательств как основаниях дифференциации уголовной ответственности;

- дана развернутая характеристика содержания и представлены результаты моделирования общественной опасности преступлений против личности;

- оценено текущее состояние и перспективы развития межотраслевой дифференциации оснований ответственности за посягательства на личность с учетом единства природы преступлений и административных правонарушений;

- выявлены и оценены модели межотраслевой дифференциации видов публично-правовой ответственности за посягательства на личность;

- определены основные направления дифференциации уголовной ответственности в процессе криминализации посягательств на личность, уточнены требования к конструированию составных и специальных составов преступлений;

- раскрыта природа привилегированных составов преступлений против личности, определен потенциал развития уголовного закона на основе отказа от идеи связи привилегированных составов с процессом дифференциации ответственности;

- развиты теоретические представления о правилах отбора, систематизации и юридико-техническом оформлении квалифицирующих признаков преступлений против личности;

- выявлены проблемы и противоречия в конструировании санкций уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против личности; определены требования к их оптимальному моделированию;

- предложено решение проблем дифференциации уголовной ответственности на основании данных о личности преступника за счет развития системы альтернативных наказанию мер уголовно-правового характера.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. *Конституционные основы дифференциации уголовной ответственности.* Исходя из конституционных начал взаимоотношений государства и личности в сфере уголовно-правовых отношений, дифференциация ответственности, будучи средством воплощения в законе принципа справедливости и условием конституционной легитимности уголовно-правовых запретов, выступает обязанностью государства, которой корреспондирует право человека на справедливый суд, что дает возможность признавать отсутствие дифференциации уголовной ответственности или ее некачественность нарушением конституционных прав граждан.

2. *Виды дифференциации уголовной ответственности.* С учетом приоритетных оснований и средств осуществления, целесообразно выделить два вида дифференциации ответственности: а) дифференциация уголовной ответственности на основе показателей общественной опасности преступления, которая связана с конструированием оснований ответственности и определяет особые параметры наказуемости общественно опасных деяний с использованием квалифицирующих признаков, санкций статей Особенной части УК РФ либо посредством отдельных институтов Общей части уголовного закона, которые предопределяют возможные размеры уголовного наказания (дифференциация ответственности за преступление); б) дифференциация уголовной ответственности на основе данных о личности виновного, которая не связана с определением и разграничением уголовных наказаний, но предполагает возможность

применения иных мер уголовно-правового характера к виновным и осуществляется исключительно в нормах Общей части уголовного закона (дифференциация ответственности лиц, совершивших преступление).

3. *Общественная опасность преступления как основание дифференциации уголовной ответственности*. Дифференциация уголовной ответственности, будучи многоуровневой нормотворческой деятельностью, осуществляется: а) в процессе построения основных, квалифицированных составов преступлений и конструирования санкций – исключительно на основании характера общественной опасности преступления; б) в процессе систематизации преступлений и установлении различий в ответственности в зависимости от объекта посягательства – на основании типового характера общественной опасности преступлений; в) в процессе категоризации преступлений и установления различий в ответственности в зависимости от категориальной принадлежности преступления – на основании типовой степени общественной опасности преступлений.

4. *Модели общественной опасности преступлений против личности*. Инструментальная модернизация теории общественной опасности преступления предполагает возможность применения методов моделирования для описания опасности преступлений против личности. На уровне моделей целесообразно различать опасность преступлений, которые состоят в: а) активном злоупотреблении правом, в результате чего умышленно или по неосторожности причиняется вред охраняемым законом ценностям; б) пассивном злоупотреблении правом, в результате чего умышленно или по неосторожности причиняется вред охраняемым законом ценностям; в) умышленном посягательстве на охраняемые законом ценности путем действия или бездействия, выразившегося в нарушении предписанных законом правил, причинивших вред правам и свободам личности; г) неосторожном причинении вреда охраняемым законом ценностям в результате действия или бездействия, выразившегося в нарушении предписанных законом правил.

5. *Категоризация преступлений*. В целях оптимальной дифференциации уголовной ответственности на основе типовой степени общественной опасности преступлений нормативная категоризация

преступлений может быть усовершенствована за счет: а) отказа от использования формы вины в качестве критерия категоризации преступлений; б) пересмотра параметров наказуемости преступлений небольшой тяжести, за которые следует предусмотреть обязательное максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не более одного года; в) выделения категории преступлений исключительной тяжести, предусматривающих наказание на срок свыше 15 лет лишения свободы.

6. *Модели межотраслевой дифференциации видов ответственности за посягательства на личность*. С учетом исторического и современного опыта можно выделить три модели взаимодействия уголовной и административной ответственности: а) модель жесткого противостояния (1997 – 2011 годы), характеризующаяся автономным существованием уголовно-правовых и административно-правовых средств реагирования на правонарушения; б) модель жесткого взаимодействия (70 – 90-е годы XX в.), характеризующаяся активным использованием административной ответственности и преюдиции в уголовном праве; в) модель мягкого противостояния (текущий момент), в рамках которой происходит «уголовно-правовое преобразование» административно-деликтных инструментов (в виде применения «иных мер уголовно-правового характера» вместо привлечения к административной ответственности при освобождении от уголовной ответственности и в виде трансформации преюдиции из неоднократного совершения административных проступков в признак специального субъекта преступления).

7. *Оптимизация нормативной основы взаимодействия уголовного и административно-деликтного права в части охраны интересов личности*. Выделяется два направления совершенствования процессов межотраслевой дифференциации ответственности: а) надлежащая дифференциация оснований ответственности (в том числе за счет включения в КоАП РФ общих норм об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности и за угрозу применением насилия, уничтожением имущества, распространением информации, которое может причинить вред интересам потерпевшего, а равно криминализации подкупа избирателей и участников референдума и склонения несовершеннолетнего к

употреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ); б) совершенствование института освобождения от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера (за счет ограничения оснований его применения случаями совершения преступлений небольшой тяжести при обстоятельствах, позволяющих суду применять положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, и малозначительных деяний, а равно за счет расширения спектра применяемых к освобожденному от ответственности мер правового воздействия).

8. *Направления дифференциации уголовной ответственности в процессе криминализации посягательств на личность*. Выделяется три компонента влияния юридической техники криминализации на дифференциацию ответственности: а) признание интересов личности основным объектом преступления и размещение на этой основе состава преступления в Разделе VII УК РФ или за его пределами, что предопределяет особенности применения отдельных уголовно-правовых институтов к лицам, совершившим преступления именно против личности; б) оценка интересов личности в качестве дополнительного объекта и конструирование сложных составов преступлений (двухобъектных составных или специальных) с их размещением за пределами Раздела VII УК РФ; в) выбор для их описания деяний, причиняющих вред интересам личности, той или иной конструкции состава преступления, предопределяющей правила квалификации и назначения наказания.

9. *Природа привилегированных составов преступлений*. Доказывается, что посягательство, не обладающее опасностью, отраженной в основном составе преступления, не может рассматриваться в качестве разновидности данного преступления. Привилегирующие признаки выполняют иную, по сравнению с квалифицирующими признаками, функцию. Если квалифицирующие признаки, будучи дополнительными по отношению к признакам основного состава, призваны дифференцировать ответственность, основанием которой выступает деяние, содержащее основной состав преступления, то привилегирующие признаки обосновывают в своей совокупности само наличие основания уголовной ответственности. По этой причине конструирование составов преступлений, которые традиционно

именуются «привилегированными», должно следовать не логике дифференциации уголовной ответственности, а логике конструирования самостоятельных составов преступлений.

10. *Модернизация теории квалифицирующих признаков преступлений против личности*. Доказывается, что на роль оснований, усиливающих ответственность за преступления против личности, могут претендовать те обстоятельства, которые при совершении именно данного вида преступлений свидетельствуют о повышении степени их общественной опасности за счет (а) углубления степени вины лица, совершившего преступление, и уровня безнравственности содеянного (мотив преступления, характеристика личных взаимоотношений виновного и жертвы); (б) увеличения вероятности и объема причиняемого вреда (наличие, вид и размер последствий). Первые должны претендовать на роль квалифицирующих признаков, вторые – на роль особо квалифицирующих – те, что свидетельствуют об увеличении вероятности и объема причиняемого вреда. При этом выдвижение жестких требований об обеспечении соответствия между наличием квалифицирующего признака и повышением категории преступления нецелесообразно, поскольку оценка общественной опасности преступления при наличии квалифицирующих признаков обеспечивается посредством разумной и обоснованной системы санкций.

11. *Оптимизация системы квалифицирующих признаков преступлений против личности*. Основные направления совершенствования нормативной основы дифференциации ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков предполагают: а) исключение отдельных квалифицирующих признаков (п.п. «а», «з», «л», «м» ч. 2 ст. 105, п.п. «г», «ж» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 120, п. «б» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 128, ч. 2 ст. 148, ч. 3 ст. 145.1 УК РФ); б) вынесение некоторых квалифицирующих признаков (совершение преступления в группе и предшествующая судимость) в Общую часть УК РФ с конструированием специальных правил назначения наказания; в) дополнение предписаний Раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками (совершение преступления родителями или лицами их заменяющими в статьях 133, 134, 135 УК РФ; совершение преступления в отношении женщины, находящейся в состоянии

беременности в статьях 116, 115, 112, 111, 127.2 УК РФ; совершение преступления публично или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в статьях 119 и 135 УК РФ, совершение преступления с целью скрыть или облегчить совершение иного преступления в ст. 126 УК РФ).

12. *Система уголовных наказаний*. Надлежащая дифференциация уголовной ответственности требует оптимальной системы наказаний, которая может быть оптимизирована за счет: а) исключения «неуниверсальных» и «дублирующих» наказаний в виде ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части, а равно исключения дополнительных наказаний; б) создания на основе нормативных положений о принудительных работах и лишении свободы, отбываемом в колонии-поселении, нового самостоятельного вида наказания с условным наименованием «принудительные работы»; в) придания статуса наказания конфискации имущества; г) формирования системы наказаний по принципу, в соответствии с которым то или иное право человека могло быть ограничено двумя различающимися карательным потенциалом видами наказания, в частности: право собственности – штрафом и конфискацией имущества; право на труд – исправительными и обязательными работами; право на свободу передвижения – ограничением свободы и арестом; право на свободу – лишением свободы и принудительными работами, право на жизнь – смертной казнью и пожизненным лишением свободы.

13. *Противоречия в конструировании санкций за преступления против личности*. Доказывается несогласованность законодательного моделирования санкций и представлений об опасности отдельных категорий преступлений, что выражается: а) в отсутствии последовательной оценки опасности преступлений небольшой тяжести против жизни и здоровья, позволяющей одновременно моделировать санкции с лишением свободы и без лишения свободы; б) в высокой оценке опасности преступлений средней тяжести против жизни, здоровья, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, позволяющей моделировать санкции за них, аналогичные санкциям за тяжкие преступления; в) в идентичной оценке опасности преступлений небольшой и средней тяжести против конституционных прав и

свобод, позволяющей использовать в соответствующих нормах сходные модели санкций. В основе этих противоречий – попытка совместить два различных критерия: обобщенную оценку опасности преступления, выраженную в его категориальной принадлежности, и содержательные особенности преступления, определяемые его объектом и механизмом причинения вреда. Такой подход не позволяет обеспечить системность, согласованность, непротиворечивость санкций и требует пересмотра. Основой формирования санкции должна стать оценка исключительно степени опасности преступления.

14. *Требования к конструированию санкции за преступления против личности*. При создании санкции статьи Особенной части УК РФ целесообразно соблюдение следующих правил: а) чем ниже категориальная принадлежность посягательства, тем большей альтернативности требует санкция, с возрастанием категории преступления альтернативность санкции должна быть ниже; б) в санкции должно было закреплено лишь одно наказание, альтернативно ограничивающее то или иное право человека; в) в санкциях преступлений небольшой и средней тяжести следует указывать максимум каждого вида наказания, в санкциях преступлений тяжких и особо тяжких – минимум и максимум, при этом разрыв между верхним и нижним порогом лишения свободы не может составлять более пяти лет; г) лишение свободы может выступать альтернативой штрафа лишь в случае, когда его верхний предел существенно ниже максимально возможного для данной категории преступлений; когда и если в санкции указан максимальный срок лишения свободы для данной категории преступлений, штраф не должен рассматриваться в качестве его альтернативы.

15. *Меры уголовно-правового характера за преступления против личности*. Дифференциация ответственности на основании данных о личности преступника требует совершенствования системы мер уголовно-правового характера, альтернативных уголовному наказанию. Вне зависимости от назначения и порядка исполнения наказания, целесообразно предусмотреть обязанность применения: а) мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших половые преступления и страдающих расстройством сексуального предпочтения, половой идентификации, иными

психологическими и поведенческими расстройствами, связанными с половым развитием и ориентацией; б) лишения или ограничения родительских прав в отношении лиц, совершивших преступления против интересов своих несовершеннолетних детей; в) мер, связанных с возложением обязанности пройти курс социально-психологической помощи и реабилитации в отношении лиц, совершивших насильственные преступления против личности; г) возмещения морального вреда в отношении лиц, совершивших преступления против чести и достоинства личности; д) лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении лиц, совершивших преступления против личности при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей; е) административного надзора в отношении лиц, совершивших преступления против личности при наличии признаков рецидива.

Теоретическое значение диссертации заключается в разработке и обосновании концепции, способной служить методологической основой нормативного воплощения и теоретической интерпретации идеи дифференциации ответственности за преступления против личности. Предложенное понимание механизма дифференциации уголовной ответственности уточняет сложившиеся представления о предпосылках, основаниях, видах, направлениях и формах дифференциации уголовной ответственности. Выводы исследования позволяют совершенствовать теоретические правила конструирования диспозиций и санкций уголовно-правовых норм; создают основу для решения актуальных задач взаимодействия уголовного и административно-деликтного законодательства; вносят свой вклад в дискуссию о формах уголовно-правового воздействия, соотношении наказания и иных мер уголовно-правового характера. В целом работа углубляет и развивает такие разделы уголовно-правовой доктрины, как конституционные основы уголовного права, межотраслевые связи уголовного права, состав преступления, уголовная ответственность, юридическая техника; тем самым проведенное исследование способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Прикладное значение диссертации состоит в том, что сформулированные в ней выводы, предложения и рекомендации создают теоретико-методологические основы укрепления гарантий безопасности личности в процессе конструирования и применения уголовно-правовых норм. В качестве таковых они могут служить исходными теоретическими предпосылками в законотворческой деятельности по совершенствованию УК РФ; способны служить основой для толкования уголовно-правовых норм Верховным Судом РФ, а также базой для разрешения ряда актуальных и сложных проблем практики применения уголовного закона; могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курса уголовного права, а также в научно-исследовательской деятельности и в работе по повышению квалификации сотрудников судебной и правоохранительной системы.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре публичного права и уголовно-правовых дисциплин Российского нового университета, где проводилось ее рецензирование и обсуждение.

Основные положения диссертации нашли отражение в 49 научных работах, в том числе 3 монографиях, 46 научных статьях, из которых 23 опубликованы в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России.

Сформулированные концептуальные положения стали предметом обсуждения на международных научно-практических конференциях: «Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования» (Курск, 30 сентября 2022 г.), «Инновационная парадигма развития системы права» (Гомель, 19 февраля 2021 г.), «Эволюция государства и права: проблемы и перспективы» (Курск, 26 марта 2021 г.), «Уголовная политика и правоприменительная практика» (Санкт-Петербург, 30-31 октября 2020 г.), «Актуальные вопросы борьбы с преступностью» (Москва, 2020 г.), «Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития» (Рязань, 18-19 ноября 2020 г.), «Актуальные проблемы современного российского права» (Невинномысск, 7-8 июня 2018 г.), «Государство и право в условиях гражданского общества» (Пенза, 13 июня 2017 г.), «Верховенство права и правовое государство» (Волгоград, 1 ноября 2017 г.), «Уголовная политика и культура противодействия преступности»

(Новороссийск, 30 сентября 2016 г.), «Проблемы российского законодательства: история и современность» (Тольятти, 21-22 февраля 2012 г.); и всероссийских научно-практических конференциях: «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 29-31 января 2026 г.), «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт» (Самара, 3-4 июня 2021 г.), «Право и правоприменение в современной России» (Новосибирск, 2020 г.), «Уголовная ответственность и наказание» (Рязань, 17 февраля 2017 г.), «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Москва, 27 октября 2016 г.); на межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы российского законодательства: история и современность» (Тольятти, 24-25 февраля 2011 г.); на «круглом столе» «Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности» (Тольятти, 24 ноября 2020 г.).

Материалы исследования используются в учебном процессе Юридического института Российского нового университета, Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, а также внедрены в практическую деятельность: Главного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам, Прокуратуры Кемеровской области – Кузбасса, Прокуратуры Ростовской области, Управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью органов внутренних дел прокуратуры города Москвы.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, шести глав, объединяющих двенадцать параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет анализа, его цели и задачи, дается обзор нормативных, теоретических и

эмпирических источников, определяются методологические подходы к их анализу, формулируются положения, выносимые на защиту, доказывается их теоретическая и прикладная ценность, приводятся сведения об апробации результатов диссертации.

Глава первая «Теоретические основы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности» посвящена исследованию исходных конституционных и теоретико-методологических требований к процессу нормативной градации ответственности.

В **первом параграфе «Конституционные основы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности»** проведен статистический и содержательный анализ решений Конституционного Суда РФ.

На основе их исследования установлено, что конституционная концепция дифференциации уголовной ответственности, которая должна восприниматься методологической основой всех теоретических построений и нормативных решений в области уголовно-правовой охраны личности, предполагает, что дифференциация ответственности:

- является обязательным условием конституционной легитимности самого установления уголовной ответственности за общественно опасное деяние, поскольку недифференцированная публично-правовая ответственность нарушает основы взаимоотношения личности и государства;

- выступает универсальным принципом установления ответственности, имеет межотраслевое и внутриотраслевое (уголовно-правовое) содержание;

- может рассматриваться одновременно как самостоятельный принцип установления уголовной ответственности, как часть обязательств государства в качестве субъекта уголовно-правовых отношений, как одно из направлений уголовной политики, как юридическое средство обеспечения конституционной легитимности уголовно-правовых запретов;

- является одним из средств воплощения в законе и на практике конституционного принципа справедливости, который требует, чтобы правовая реакция на отклоняющееся от социальных и правовых стандартов поведение обязательно учитывала значимость охраняемых законом ценностей, существенность причиняемого вреда, личность виновного и иные

обстоятельства, имеющие объективное и разумное обоснование и способствующие адекватной юридической оценке как самого преступного деяния, так и совершившего его лица;

- подчинена требованиям принципа гуманизма, который обеспечивает соразмерность мер правового реагирования реальной опасности деяния на основе умеренного осуществления государственной власти, принимая во внимание, что применение более строгих мер ответственности является конституционно допустимым только при неэффективности более мягких мер воздействия;

- ограничена требованиями принципа юридического равенства и не должна приводить к созданию дискриминационных норм, необоснованно улучшающих или ухудшающих правовое положение лиц, совершивших преступления;

- должна отвечать требованиям принципа правовой определенности и осуществляться посредством точных и недвусмысленных предписаний, содержание которых позволяет лицу однозначно предвидеть правовые последствия совершения общественно опасного деяния;

- обязана быть криминологически обоснованной, соответствовать сложившимся в данный момент времени представлениям об опасности преступления и личности преступника, а потому динамичной.

Во **втором параграфе «Понятие и механизм дифференциации ответственности за посягательства на личность»** проведен критический анализ доктринальных позиций, раскрывающих сущность дифференциации ответственности, и представлены новые решения, развивающие уголовно-правовую теорию. В частности:

1) Обоснован подход к оценке дифференциации ответственности в контексте анализа прав и обязанностей государства в качестве субъекта уголовно-правовых отношений. Он позволяет: а) вписать дифференциацию ответственности в механизм уголовно-правового регулирования, определить ее место в нем не посредством абстрактных рассуждений о направлениях и принципах уголовной политики или уголовного права, а посредством четкого указания на правомочия государства; б) признать, что дифференциация ответственности в комплексе правомочий государства выступает его

конституционной обязанностью, которой корреспондирует конституционное право человека на справедливый суд, что дает возможность рассматривать отсутствие дифференциации уголовной ответственности или ее некачественность как нарушение конституционных прав граждан; в) оценивать дифференциацию ответственности в качестве обязанности не отдельных государственных органов, в частности, парламента, а в качестве обязанности государства как целого.

2) Дифференциация ответственности соотнесена с принципом разделения властей. Установлено, что при безусловной эксклюзивности положения парламента как субъекта, наделенного правом принимать уголовный закон, немалую роль в деле дифференциации ответственности играют органы исполнительной власти (в частности, Правительство РФ), а также Верховный Суд РФ, которые детализируют и конкретизируют законодательные предписания об ответственности.

3) Уточнено соотношение дифференциации и индивидуализации ответственности. Доказано, что нет оснований для восприятия дифференциации исключительно в качестве предварительного условия индивидуализации ответственности. Градация ответственности – общая задача государства, которая решается на различных уровнях (законотворческом и правоприменительном). И в силу наличия системы сдержек и противовесов между органами власти, игнорирование этой обязанности со стороны одних органов может быть успешно компенсировано иными органами. Дифференциация и индивидуализация – не последовательные стадии «дробления» ответственности, а относительно самостоятельные, взаимно дополняющие друг друга, соотнесенные с принципом разделения властей механизмы исполнения обязанности государства обеспечить соразмерность реализуемых им правовых мер всем обстоятельствам конкретной правоприменительной ситуации.

4) Раскрыто соотношение дифференциации уголовной ответственности и дифференциации уголовного наказания. Доказано, что дифференциация наказания может рассматриваться: а) как предпосылка дифференциации ответственности, когда она осуществляется в нормах Общей части УК РФ посредством установления содержания и пределов того или иного наказания;

б) как последствие дифференциации ответственности, поскольку дифференциация наказания в санкциях основывается на дифференциации оснований ответственности; в) как составная часть дифференциации ответственности, наряду с дифференциацией иных мер уголовно-правового характера; г) как средство дифференциации ответственности при моделировании санкции, представляющей собой сочетание дифференцированных видов уголовных наказаний.

5) Модернизированы представления о содержании и средствах дифференциации уголовной ответственности. Отмечено, что в содержательном отношении дифференциация уголовной ответственности распадается на два блока: а) дифференциация оснований ответственности в части конструирования основного, квалифицированного (привилегированного) составов преступления, конструирования институтов, обеспечивающих учет стадий совершения преступления, множественности преступных деяний и множественности лиц, участвующих в совершении преступления; б) дифференциация уголовно-правовых мер воздействия на преступника в части адекватного конструирования санкций, видов наказаний, иных мер уголовно-правового характера и правил их применения. Дифференциация ответственности осуществляется синхронно с ее установлением, а потому между средствами установления и средствами дифференциации ответственности не может быть принципиальных различий.

6) Предложено выделять два вида дифференциации уголовной ответственности:

а) Дифференциация уголовной ответственности на основе показателей общественной опасности преступления, которая связана с конструированием оснований ответственности и определяет особые параметры наказуемости общественно опасных деяний с использованием квалифицирующих признаков, санкций статей Особенной части УК РФ либо посредством отдельных институтов Общей части уголовного закона, которые предопределяют возможные размеры уголовного наказания. Этот вид дифференциации можно условно назвать дифференциацией ответственности за совершенное преступление.

б) Дифференциация уголовной ответственности на основе данных о личности виновного, которая не связана с определением и разграничением уголовных наказаний, но предполагает возможность применения иных мер уголовно-правового характера к виновным. Она осуществляется исключительно в нормах Общей части уголовного закона и условно может быть названа дифференциацией ответственности лиц, совершивших преступление.

Глава вторая «Основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности» посвящена исследованию теоретико-прикладных проблем дифференциации ответственности на основании оценки общественной опасности преступлений.

В **первом параграфе «Характер общественной опасности преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности»** в качестве исходных теоретических положений утверждается, что:

а) Основанием дифференциации уголовной ответственности, которая осуществляется в процессе построения основных и квалифицированных составов преступлений и сопряжена с конструированием санкций, выступает исключительно характер общественной опасности преступления. Он определяется составом преступления, отражен в его признаках, в силу чего основной и квалифицированный составы преступлений, будучи разными составами, отличаются между собой не типовой степенью опасности, а именно характером.

б) Типовая степень общественной опасности должна рассматриваться как итог вторичной законодательной оценки уже криминализированных деяний. Оценив характер опасности преступлений определенного вида и установив за их совершение санкцию, законодатель возвращается к оценке отраженной в законе опасности всех преступлений и классифицирует их на группы в зависимости от того, насколько близка сравнительная опасность различных посягательств. Такая типовая степень общественной опасности служит основанием дифференциации уголовной ответственности в нормах

Общей части уголовного закона, безотносительно к тому, на какой объект посягают преступления и какой вред ими причиняется.

в) Необходимо ввести в научный оборот понятие типового характера общественной опасности преступлений. Ряд преступлений, посягающих на близкие (родственные) объекты и причиняющих им однотипный вред, обладают некоторыми общими признаками, на основании которых в общем массиве посягательств можно выделить группу, обладающую единым характером опасности. Такое обобщение может включать в себя преступления, обладающие различным показателем типовой степени общественной опасности, и служит законодателю основой для предметной группировки составов преступлений, построения структуры Особенной части УК РФ, углубления процессов дифференциации ответственности на основании типового характера опасности в нормах Общей части кодекса.

В работе реализован опыт моделирования типового характера общественной опасности преступлений против личности. Элементами этой модели выступают:

а) ценность защищаемого блага, которая оправдывает в случае посягательства на него ограничение прав виновного лица и задает исключительно содержательные параметры модели характера общественной опасности, не предопределяя размеров этой опасности и не влияя на объем уголовной ответственности;

б) формы и вид вины, которые используются для дифференциации ответственности на межотраслевом или внутриотраслевом уровне, предполагая, при прочих равных условиях, большую опасность умышленных деяний по сравнению с неосторожными (последовательное соблюдение принципа справедливости должно требовать исключения из закона положений ч. 2 ст. 24 УК РФ, обязательного указания в законе на форму вины в том или ином составе преступления, конструирования составов умышленных и неосторожных преступлений, посягающих на одно и тоже благо и причиняющих один и тот же вред, в разных статьях закона);

в) деяние, которое может быть выражено: с физической точки зрения - действием или бездействием, с точки зрения правовой формы - нарушением предписанных нормативными правовыми актами обязанностей или выходом

за установленные этими актами права, либо злоупотреблением или превышением прав, объем и порядок реализации которых прямо не регламентирован в нормативных правовых актах (при прочих равных условиях активные действия по нарушению или неисполнению нормативно урегулированных прав и обязанностей субъекта), должно рассматриваться как обладающее сравнительно более высокой общественной опасностью;

г) причинная связь, которая отражает различающийся механизм причинения вреда охраняемому благу и тем самым свидетельствует о различиях в характере общественной опасности содеянного;

д) последствия преступления (последствия в основном и квалифицированном составах преступлений против личности не должны выходить за пределы объекта посягательства, охраняемого главой Особенной части УК РФ, в связи с чем следует пересмотреть возможность использования такой неопределенной категории как «иные тяжкие последствия»; все последствия, указываемые в составе, должны находиться в причинной и виновной связи с одним деянием субъекта, в связи чем разумно отказаться от конструирования квалифицированных составов по типу сложных составных; в случаях, когда основной состав преступления конструируется законодателем по типу материального, на роль квалифицирующих могут претендовать только признаки, отражающие количественное увеличение вреда, качество которого описано в основном составе (в связи с чем разумно в ст. 143 УК РФ предусмотреть такой квалифицирующий признак как причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью двум или более лицам); в случаях, когда основной состав преступления конструируется по типу формального, факт наступления последствий, которые стремится предотвратить данная норма, должен признаваться квалифицирующим признаком (в связи с чем есть основания дополнить ст. 125 УК РФ квалифицирующим признаком, отражающим факт наступления смерти или вреда здоровью потерпевшего).

Обобщенный взгляд на характер общественной опасности преступлений против личности позволил выделить следующие модели опасности:

а) опасность преступления, которое состоит в активном

злоупотреблении правом, в результате чего умышленно или по неосторожности причиняется вред охраняемым законом ценностям;

б) опасность преступления, которое состоит в пассивном злоупотреблении правом, в результате чего умышленно или по неосторожности причиняется вред охраняемым законом ценностям;

в) опасность преступления, которое состоит в умышленном посягательстве на охраняемые законом ценности путем действия или бездействия, выразившегося в нарушении предписанных законом правил, причинивших вред правам и свободам личности;

г) опасность преступления, которое состоит в неосторожном причинении вреда охраняемым законом ценностям в результате действия или бездействия, выразившегося в нарушении предписанных законом правил.

Во **втором параграфе «Степень общественной опасности преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности»** утверждается, что механизм дифференциации ответственности на основе типовой степени опасности включает в себя несколько блоков. Во-первых, законодатель отражает оценку типовой степени общественной опасности преступлений, конструируя санкцию уголовно-правовой нормы. Во-вторых, на основе сравнительной оценки степени опасности, отраженной в санкции, проводит категоризацию преступлений. В-третьих, устанавливает для различных категорий преступлений различные уголовно-правовые последствия.

В основе дифференциации уголовной ответственности на основе степени опасности – нормативная категоризация преступлений. В работе утверждается, что существующая категоризация преступлений может быть оптимизирована посредством следующих решений:

а) отказ от использования формы вины в качестве критерия категоризации преступлений, поскольку этот показатель учтен при оценке характера общественной опасности в санкции;

б) пересмотр параметров наказуемости преступлений небольшой тяжести, за которые следует предусмотреть обязательное максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не более одного года, что позволит избежать неоправданных сложностей в связи с обсуждением

категории уголовного проступка (предлагается установить наказание в виде лишения свободы сроком до одного года в санкциях ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 120, ч. 1 ст. 124, ч. 1 ст. 128.1, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ст. 140, ч. 1 ст. 141, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146, ч. 3 ст. 148, ч. 1 ст. 151.1, ст. 154, ст. 155 УК РФ);

в) выделение категории преступлений исключительной тяжести, предусматривающих наказание на срок свыше 15 лет лишения свободы, что даст возможность углубить и унифицировать процессы нормативной дифференциации ответственности (предлагается признать преступлениями исключительной тяжести деяния, описанные в ч. 2 ст. 105, ч. 4 и ч. 5 ст. 131, ч. 4 и ч. 5 ст. 132, ч. 5 и ч. 6 ст. 134 УК РФ).

Изменение нормирования категорий преступлений с необходимостью должно повлечь за собой уточнение предписаний ч. 6 ст. 15 УК РФ. Суды редко обращаются к этой норме (по преступлениям против личности – не более чем в 0,3% случаев), используя ее в ситуациях явного несоответствия опасности преступления предустановленной законом его категориальной принадлежности. Общее правило изменения категории преступления должно предполагать, что категория может быть снижена, если осужденному назначено наказание, не превышающее максимальный размер наказания, установленный в ст. 15 УК РФ для категории предыдущей тяжести. С учетом предложений по пересмотру категоризации преступлений, это означает, что: а) за преступление средней тяжести назначено наказание, не превышающее одного года лишения свободы, или иное более мягкое наказание; б) за тяжкое преступление назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы; за особо тяжкое преступление назначено наказание, не превышающее десяти лет лишения свободы; за преступление исключительной тяжести назначено наказание, не превышающее пятнадцати лет лишения свободы.

Глава третья «Межотраслевая дифференциация ответственности за посягательства на личность» посвящена анализу соотношения уголовного и административно-деликтного законодательства в части регламентации ответственности за причинение вреда интересам личности.

В **первом параграфе «Межотраслевая дифференциация оснований ответственности за посягательства на личность»** последняя определена как конструирование законодателем смежных составов административных проступков и составов преступлений, которые описывают различающиеся уровнем опасности разновидности одного и того же деяния. Выделяется динамический и статический уровни межотраслевой дифференциации оснований ответственности, что позволяет рассматривать ее не только как результат, но и как процесс законодательной деятельности.

Динамический аспект межотраслевой дифференциации оснований ответственности за посягательства на личность представляет собой процесс изменения законодательной оценки вида противоправности правонарушения, отражающийся в одновременном переводе декриминализированных преступлений в разряд административных правонарушений либо напротив, в признании уголовно-противоправными деяний, который ранее считались проступками. В прикладном отношении такая дифференциация порождает сложные вопросы, связанные с определением действия законодательства во времени, которые последовательно раскрыты в работе с опорой на решения Конституционного Суда РФ.

Статический аспект межотраслевой дифференциации оснований ответственности выражается в одномоментном наличии системы смежных составов преступлений и административных правонарушений. Исходным пунктом в оценке этой системы выступает объект посягательства.

Установлено, что в ряду охраняемых законом интересов личности объективно существуют столь ценные объекты (жизнь человека, его физическая свобода, половая свобода и половая неприкосновенность), что любое причинение им вреда оправданно позиционируется исключительно как преступление. Когда же в процессе внутриотраслевой дифференциации административной ответственности законодатель использует признак причинения вреда этим объектам (в частности, причинение смерти) для усиления административной ответственности виновных лиц (ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ), это создает коллизии с уголовно-правовыми предписаниями (ст. 236 УК РФ), что оценивается в работе критически.

Что касается иных объектов (конституционные права и свободы граждан, интересы формирования личности несовершеннолетнего, здоровье человека, его физическая неприкосновенность, честь и достоинство), то вопрос о допустимости применения КоАП РФ для оценки посягательств на них должен решаться на основе принципиального понимания административных правонарушений как деяний, обладающих меньшей опасностью, но единых по своей природе с преступлениями. Само по себе содержание объекта посягательства не может предопределять выбор вида ответственности за него. Здесь «вступают в действие» иные факторы криминализации, включая последствия деяния, способ его совершения, форму вины и т.д. При этом конструирование смежных составов административных правонарушений и преступлений против личности должно быть подчинено требованиям преемственности составов и определенности изложения их признаков в тексте нормативных правовых актов. Надежным технико-юридическим приемом разграничения составов правонарушений должна служить оговорка в составах административных правонарушений об отсутствии в них признаков уголовно наказуемого деяния.

Соблюдение правил межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность предполагает необходимость корректировки действующего законодательства по следующим направлениям:

а) включение в КоАП РФ общих норм об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности и за угрозу применением насилия, уничтожением имущества, распространением информации, которая может причинить вред интересам потерпевшего;

б) исключение из КоАП РФ ст. 5.39 и ст. 5.16; исключение из числа признаков правонарушения, предусмотренного ст. 6.10 КоАП РФ, вовлечения несовершеннолетнего в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ;

в) исключение последствий из числа обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ; криминализация на уровне отдельной статьи закона подкупа избирателей и участников референдума;

криминализация в рамках ст. 230 УК РФ склонения несовершеннолетнего к употреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Во **втором параграфе «Межотраслевая дифференциация видов ответственности за посягательства на личность»** последняя определяется как создание законодателем механизмов, которые позволяют правоприменителю изменять вид ответственности (с уголовной на административную и наоборот), не меняя при этом правовой характеристики основания самой ответственности.

На основе исследования исторического и современного опыта взаимодействия видов ответственности, с использованием метода моделирования, в работе представлено три модели взаимодействия уголовной и административной ответственности:

а) Модель жесткого противостояния (с момента активации УК РФ в 1997 году до 2011 – 2016 годов). Ее характеристики: преступление как опасное поведение и административный проступок как вредоносное поведение, качественно различаются между собой; административная преюдиция недопустима, неоднократность проступка может учитываться только в пределах дифференциации административной ответственности; замена уголовной ответственности ответственностью административной, отражая смешение предметов правового регулирования, принципиально недопустима.

б) Модель жесткого взаимодействия (70 – 90-е годы XX в.). Ее характеристики: преступление и административный проступок, обладая общим качеством общественной опасности, различаются лишь в степени этой опасности; административная преюдиция и освобождение от уголовной ответственности с привлечением к ответственности административной принципиально допустимы как проявление, по сути, внутриотраслевой дифференциации ответственности в уголовном праве.

в) Модель мягкого противостояния (текущий момент). В рамках этой модели признается, что: преступление и административный проступок различаются характером и степенью общественной опасности; уголовное и административно-деликтное право, будучи самостоятельными, должны иметь механизм взаимодействия, который, исключая замену одних правовых

средств реагирования на правонарушение средствами иной отрасли права, будет отражать как потенциальную динамику опасности самого нарушения, так и степень жесткости правового реагирования на него; замена уголовной ответственности административной ответственностью не допускается, что не исключает создания в уголовном законе конструкций, позволяющих применять более мягкие чем уголовное наказание средства воздействия на нарушителя за пределами уголовной ответственности; административная преюдиция допускается не в качестве отражения межотраслевого взаимодействия, а как юридико-технический прием, посредством которого описываются специальные признаки субъекта преступления.

В работе принципиально поддерживается сложившееся в настоящий момент решение. Вместе с тем, аргументируется ряд положений, призванных оптимизировать действующую модель:

а) Освобождение от уголовной ответственности с применением мер, альтернативных уголовному наказанию, следует рассматривать как генетическое продолжение института замены уголовной ответственности ответственностью административной, и в этой связи позиционировать его в качестве формы реакции на уголовно-противоправное деяние, не обладающее криминальной общественной опасностью. Оно должно иметь место в случае совершения преступления небольшой тяжести при обстоятельствах, позволяющих суду применять положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, а также в случае совершения малозначительного деяния, регламентированного ч. 2 ст. 14 УК РФ. Исходя из этого, целесообразно:

- исключить возможность освобождения от ответственности с назначением мер уголовно-правового характера в случае совершения преступления средней тяжести, допустить возможность освобождения от ответственности в случае совершения малозначительных деяний, исключить в качестве условия освобождения от ответственности с применением альтернативных наказанию мер воздействия указание на факт совершения деяния «впервые»;

- расширить спектр применяемых к освобожденному от ответственности мер правового воздействия за счет известных КоАП РФ: предупреждения в письменной форме, штрафа (причем его размер в ст. 76.2

УК РФ должен быть сопоставим со штрафом в КоАП РФ и не выходить за пределы штрафа, которые устанавливаются в УК РФ за преступления небольшой тяжести), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

б) Административная преюдиция может использоваться как для усиления репрессивных начал уголовно-правового регулирования (при переводе административных правонарушений в преступления), так и для смягчения ответственности (при подключении преюдиции к конструкциям уже существующих составов преступлений). Выбор направления корректировки существующих правил ответственности должен быть не исходной точкой разработки конкретных мер, а итогом тщательного анализа уровня опасности тех или иных правонарушений. При этом сохранение и расширение практики конструирования составов с административной преюдицией требует не только унификации самой конструкции таких составов (повторное или более совершение в период срока административной наказанности административного правонарушения лицом, которое ранее было наказано в административном порядке за аналогичное деяние), но и разработки общего, универсального учения об общественной опасности противоправных деяний на основе концепта «уголовная сфера», объемлющего рассуждения об опасности преступлений и административных проступков.

Глава четвертая «Криминализация преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности» посвящена исследованию проблем дифференциации в процессе конструирования составов преступлений.

В **первом параграфе «Дифференциация уголовной ответственности в процессе криминализации и систематизации преступлений против личности»** исследован механизм и направления влияния юридико-технического компонента криминализации на дифференциацию уголовной ответственности. Он включает следующие направления, последовательно проанализированные в работе:

1) Признание интересов личности основным объектом преступления, конкретизация содержания этого объекта и размещение соответствующей

уголовно-правовой нормы в той или иной главе Раздела VII УК РФ или за его пределами.

Дифференциация ответственности с учетом направленности посягательства проявляется: а) на межотраслевом уровне при конструировании индивидуально-профилактических правоограничений для лиц, совершивших преступления против личности; б) на отраслевом (уголовно-правовом) уровне при конструировании особенностей применения отдельных видов наказаний, условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и некоторых иных институтов к лицам, совершившим преступления против личности.

Дифференциация уголовной ответственности с учетом содержания объекта преступления требует надлежащей систематизации преступлений, в решении которой есть два основных направления. Первый – стратегический, состоит в создании в системе особенной части уголовного закона максимально развернутой, дробной классификации преступлений и разработке средств дифференциации ответственности, «привязанных» к этой систематизации посягательств. Второй путь – тактический, может рассматриваться в качестве промежуточного этапа на пути глобального реформирования уголовного закона и предполагает «привязку» дифференцирующих средств к отдельным группам преступлений, прямо поименованным в законе. Юридико-техническое совершенствование такой тактики предполагает, что для обособления этих групп преступлений законодателю целесообразно использовать не признаки объекта, применяя оборот «преступления против», а иные признаки состава преступления, в том числе последствия и потерпевшего.

2) Оценка интересов личности в качестве дополнительного объекта и конструирование сложных составов преступлений с размещением соответствующей уголовно-правовой нормы за пределами Раздела VII УК РФ.

Имплементация интересов личности в структуру объекта преступления может осуществляться: а) путем указания на особый способ совершения преступления, применение которого влечет за собой причинение вреда личности; б) путем указания на последствия в виде причинения вреда

личности, ее жизни, здоровью, правам и законным интересам, причинно связанные с поведением виновного. Такие решения приводят к усложнению системы Особенной части УК РФ, появлению, наряду с преступлениями против личности, сложных двухобъектных составных либо специальных составов преступлений.

Составные преступления, не посягающие на личность как основной объект, имеют две конструкции: а) когда причинение вреда личности используется законодателем для дифференциации ответственности посредством квалифицированного состава (например, в ситуации насильственного грабежа); б) когда причинение вреда личности становится неотъемлемым компонентом основного состава (например, в ситуации разбоя). Создание составов составных преступлений требует одновременного решения трех взаимосвязанных задач: а) выбор приоритетного, основного объекта преступления и, исходя из этого, размещение соответствующей уголовно-правовой нормы в той или иной главе уголовного закона; б) обеспечение принципа достаточности и неизбыточности закона, с тем, чтобы исключить наличие дублирующих норм, порождающих неоправданную конкуренцию; в) сконструировать санкции таким образом, чтобы различия в наказуемости деяний реально отражали перепад в оценке их общественной опасности.

Специальные составы преступлений создаются, когда: а) в рамках раздела VII УК РФ законодатель создает специальные нормы по отношению к нормам об ответственности за преступления, расположенным в иных разделах кодекса; б) за рамками раздела VII УК РФ законодатель создает нормы, описывающие составы преступлений, которые выступают в качестве специальных по отношению к составам преступлений против личности. Учет факта причинения вреда интересам личности при конструировании специальных составов преступлений не должен служить основанием для смягчения ответственности виновного лица. Следовательно, специальные нормы, указанные в разделе VII УК РФ, должны иметь санкции более высокие, нежели санкции норм об ответственности за многообъектные преступления, причиняющие вред личности и расположенные в иных разделах УК РФ; равным образом, специальные нормы об ответственности за

многообъектные преступления, причиняющие вред личности, расположенные в иных разделах УК РФ, должны иметь более высокие санкции, нежели санкции общих норм, расположенных в разделе VII УК РФ.

3) Оценка деяний, причиняющих вред интересам личности, и выбор для их описания той или иной конструкции состава преступления.

Выбор конструкции состава прямо влияет на дифференциацию ответственности, когда от особенностей состава зависит квалификация содеянного в качестве единичного преступления либо с учетом правил закона о совокупности преступлений. Эта проблема возникает, когда в противовес конструированию множества составов законодатель создает составы с альтернативными действиями, составные составы с двумя преступными действиями, формальные и специальные по отношению к ним материальные составы преступлений.

Теоретические правила конструирования сложных составов преступления, наряду с требованиями социально-криминологической обоснованности, юридико-технического совершенства, должны включать подгруппу правил, обеспечивающих соблюдение начал дифференциации ответственности. В частности: а) действия, включаемые в число альтернативных действий одного состава преступления, должны обладать единой социально-криминологической характеристикой, посягать на один и тот же основной объект, причинять равный по содержанию вред охраняемому благу, иметь равную степень общественной опасности, а санкция уголовно-правовой нормы, описывающей альтернативный состав преступления, должна быть в достаточной степени альтернативной, чтобы охватить возможные различия в опасности содеянного, а также позволить адекватно оценить как факт совершения одного из альтернативных действий, так и их множество; б) деяния и (или) последствия, включаемые в состав составного преступления, должны быть описаны законодателем с четким указанием на форму вины, а их совокупная оценка в санкции должна отражать опасность каждого входящего в составное преступление деяния и (или) последствия, в связи с чем максимальное наказание в санкции за составное преступление должно быть не ниже максимального наказания, которое может быть назначено за отдельные преступления с учетом правил

совокупности, к тому же эта санкция должна быть менее альтернативной, нежели санкции за преступления, из которых складывается состав составного преступления.

Во **втором параграфе «Привилегированные составы преступлений против личности: теоретико-прикладные проблемы»** доказывается, что в теоретическом плане идея дифференциации уголовной ответственности за преступления посредством использования привилегирующих представляется неубедительной. Общественная опасность деяния на уровне ниже, чем это установлено основным составом преступления, свидетельствует о том, что «привилегированное преступление» не обладает характеристиками, позволяющими рассматривать его в качестве вида «основного преступления». В силу этого, конструирование составов преступлений, которые в современной теории именуются привилегированными, должно следовать не логике дифференциации уголовной ответственности, а логике конструирования самостоятельных составов преступлений. Их опасность должна сопоставляться не с опасностью «основного преступления», а с нормативными и теоретическими представлениями об общественной опасности преступления как такового. Признаки состава преступления, именуемые привилегирующими, как таковые не могут и не должны рассматриваться в рамках учения о дифференциации ответственности. Они выполняют иную, по сравнению с квалифицирующими признаками, функцию. Если квалифицирующие признаки, будучи дополнительными по отношению к признакам основного состава, призваны дифференцировать ответственность, основанием которой выступает деяние, содержащее основной состав преступления, то привилегирующие признаки обосновывают в своей совокупности само наличие основания уголовной ответственности.

Исходя из этого, в работе обосновывается необходимость пересмотра устоявшегося понимания места «привилегированных преступлений» в системе преступлений против жизни и здоровья. Нецелесообразным видится их раздельное позиционирование в качестве особой разновидности преступлений против жизни и преступлений против здоровья; они должны

восприниматься в качестве самостоятельной группы посягательств, закрепленных в главе 16 УК РФ.

Отказ от конструкции привилегированных составов и новая систематизация преступлений против личности определяют возможности обоснованной дифференциации ответственности за соответствующие преступления против личности. В работе обосновывается:

а) конструирование на основе ст. 107 и ст. 113 УК РФ новой ст. 125.1 «Аффективные посягательства на жизнь и здоровье», предусматривающей в отдельных частях ответственность за причинение в состоянии аффекта средней тяжести, тяжкого вреда здоровью и смерти;

б) конструирование на основе ст. 108 и 114 УК РФ двух новых норм: ст. 125.2 «Нарушение условий правомерности необходимой обороны» и ст. 125.3 «Нарушение условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление», устанавливающих в отдельных частях ответственность за превышение пределов правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, сопряженное с причинением средней тяжести, тяжкого вреда здоровью и смерти;

в) корректировка ст. 106 УК РФ таким образом, чтобы в ней была установлена ответственность за причинение матерью смерти своему новорожденному ребенку в процессе или сразу после родов, при наличии психоэмоционального расстройства, обусловленного беременностью и родами;

г) дополнение уголовного закона новыми нормами: ст. 125.4 «Причинение смерти по просьбе потерпевшего» и ст. 124.2 «Принуждение к отказу от оказания медицинской помощи».

Глава пятая «Квалифицирующие признаки преступлений против личности как средство дифференциации уголовной ответственности» посвящена анализу теоретико-прикладных аспектов их конструирования.

В **первом параграфе «Квалифицирующие признаки преступлений против личности: теоретический анализ»** на основе статистического и документального анализа выявлен ряд проблем в применении этого средства дифференциации ответственности. В частности: а) использование весьма значительного общего набора квалифицирующих признаков в разделе VII УК

РФ (из 65 статей данного раздела 42 статьи имеют в своем содержании квалифицированные составы преступлений, для их конструирования использовано не менее 32 признаков); б) неравномерное использование квалифицирующих признаков в преступлениях различных групп (по этому фактору все преступления против личности отчетливо делятся на две группы: предусмотренные главами 18, 19, 20 – с низким набором квалифицирующих признаков и значительным объемом статей, не имеющих квалифицирующих признаков вовсе, и предусмотренные главами 16, 17 – с высоким набором квалифицирующих признаков и незначительным числом статей без квалифицирующих признаков); в) существенное несовпадение набора квалифицирующих признаков в преступлениях, обладающих близкими социально-правовыми и криминологическими свойствами; г) отсутствие системности в использовании квалифицирующих признаков, которые обладают равнонаправленным влиянием при совершении различных преступлений; д) значительные юридико-технические погрешности в законодательном оформлении квалифицирующих признаков; е) слабо обоснованная и не поддающаяся логическому объяснению практика придания одним и тем же признакам значения квалифицирующих либо особо квалифицирующих в различных преступлениях.

Решение этих проблем видится возможным на основе оптимизации существующей теории квалифицирующих признаков. В этих целях в работе обосновываются следующие тезисы:

а) квалифицирующие признаки должны отражать особенности того или иного единичного преступления и не пересекаться с институтом множественности, для оценки которого существуют иные положения уголовного закона;

б) свойства личности виновного нецелесообразно использовать в качестве квалифицирующих признаков преступлений, они должны учитываться в процессе дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности посредством использования таких законодательных конструкций, которые не относятся к признакам состава преступления;

в) на роль квалифицирующих признаков преступлений против личности могут претендовать те обстоятельства, которые при совершении

именно данного вида преступлений свидетельствуют о повышении степени их общественной опасности за счет (а) увеличения вероятности и объема причиняемого вреда, (б) углубления степени вины лица, совершившего преступление, и уровня безнравственности содеянного (мотив преступления, характеристика личных взаимоотношений виновного и жертвы);

г) без ущерба для качества уголовно-правовой охраны законодатель может ограничиться набором квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, не выделяя в статьях УК РФ признаки составов преступлений более высокой степени дифференциации, при этом на роль квалифицирующих признаков могут претендовать те, что отражают степень вины лица, совершившего преступление, и уровень безнравственности содеянного, а на роль особо квалифицирующих – те, что свидетельствуют об увеличении вероятности и объема причиняемого вреда;

д) квалифицирующие признаки, обладающие сходной социально-криминологической природой, должны образовывать единый комплекс оснований дифференциации ответственности. Как таковой этот комплекс должен быть предусмотрен в одной структурной единице текста закона (в части статьи или в пункте части статьи); дробление этого комплекса на отдельные составляющие (детализация, конкретизация признака) и локализация этих составляющих в различных единицах текста не представляется оправданной;

е) квалифицирующие признаки близкого содержания не должны быть представлены в различных текстовых блоках закона, они должны быть изложены лаконично с предоставлением суду пространства для толкования в целях достижения оптимального баланса между нормативной дифференциацией и судебной индивидуализацией уголовной ответственности;

ж) выдвижение жестких требований об обеспечении соответствия между наличием квалифицирующего признака и повышением категории преступления нецелесообразно, оценка степени общественной опасности преступления при наличии квалифицирующих признаков должна осуществляться посредством построения разумной и обоснованной системы санкций.

Во **втором параграфе «Квалифицирующие признаки преступлений против личности: вопросы законодательной и правоприменительной практики»** предложены прикладные решения в части оптимизации системы квалифицирующих признаков преступлений против личности. Такая оптимизация может быть осуществлена в следующих направлениях:

1) Исключение отдельных квалифицирующих признаков

Ряд квалифицирующих признаков в преступлениях против личности не имеют под собой достаточного социального и правового основания, носит во многом умозрительный характер, что ведет к перегрузке текста уголовного закона и не способствует эффективной дифференциации ответственности. Без ущерба качеству закона могут быть исключены такие признаки, как: совершение преступления в отношении двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и др.); сопряженность одного преступления с другим (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и др.); совершение преступления в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного (п. «г» ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 120 УК РФ), совершение преступления по найму (п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РФ), мотив кровной мести (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), цель использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), место совершения преступления (ч. 2 ст. 148 УК РФ); «совершение преступления способом, опасным для жизни и здоровья многих людей» (п. «б» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ); использование служебного положения (ч. 3 ст. 128 УК РФ); «наступление тяжких последствий» (ч. 3 ст. 145.1 УК РФ).

2) Вынесение некоторых квалифицирующих признаков в Общую часть УК РФ

Соблюдение требований системности законодательства, справедливости и юридического равенства предполагает изменение оценки квалифицирующих признаков, отражающих повышенную опасность преступления, совершенного в группе, и совершенного лицом, имеющим судимость.

Преступление, совершенное в группе, обладает сравнительно большей общественной опасностью, нежели преступление, совершенное лицом единолично. В связи с этим обоснованным видится: а) исключение квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц,

группой лиц по предварительному сговору, организованной группой» (во всех комбинациях) из всех статей Особенной части УК РФ; б) разработка и закрепление в ст. 67 УК РФ правила об обязательном усилении наказания в случае совершения группового преступления с дифференциацией минимального предела наказания в зависимости от формы соучастия. Это повлечет за собой: а) обязательную ссылку при квалификации содеянного на соответствующую часть ст. 33 УК РФ во всех случаях, когда лицо не является исполнителем преступления; б) обязательное доказывание в судебной процедуре формы соучастия и ссылку на ст. 67 УК РФ при назначении наказания; в) усиление ответственности за все без исключения преступления, в случае совершения их в группе лиц; г) последовательную дифференциацию ответственности в зависимости от общественной опасности той или иной формы соучастия.

Повышенная опасность лиц, которые неоднократно, при наличии судимости, совершают тождественные преступления, не вызывает сомнений, но качественная оценка такой опасности должна быть учтена в нормах Общей части УК РФ за счет существенной модернизации института рецидива преступлений. Оптимальным ответом на опасность таких лиц может стать концепция рецидивиста, в рамках построения которой есть все основания к созданию специальных правил дифференциации уголовной ответственности судимых лиц. Это позволит: а) учесть криминальную специализацию и признавать рецидивистами лишь тех, кто, имея судимость, совершает тождественные или однородные преступления; б) обеспечить дифференциацию ответственности рецидивистов в случае совершения ими любых преступлений (не только против личности, но и против иных объектов); в) рассмотреть и решить вопрос относительно учета для признания лица рецидивистом судимостей за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет.

3) Дополнение предписаний Раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками

В работе обосновывается целесообразность: дифференциации ответственности родителей или лиц их заменяющих, в случае совершения преступлений, предусмотренных статьями 133, 134, 135 УК РФ;

дифференциация ответственности за побои, легкий, средней тяжести и тяжкий вред здоровью, эксплуатацию рабского труда в случае совершения этих посягательств в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности; включение в состав преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ и ст. 135 УК РФ, квалифицирующего признака, отражающего совершение посягательства публично или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей; усиление ответственности за похищение человека, совершенное с целью скрыть или облегчить совершение иного преступления.

Глава шестая «Дифференциация мер уголовно-правового воздействия за преступления против личности» посвящена исследованию проблем дифференциации объема ответственности.

В **первом параграфе «Дифференциация наказания в санкциях уголовно-правовых норм о преступлениях против личности»** представлены итоги статистического и документального анализа санкций за преступления против личности. Результаты свидетельствуют: а) о наличии заметных расхождений в оценке опасности преступлений небольшой тяжести против жизни и здоровья, позволяющих моделировать два типа санкций – с лишением свободы и без лишения свободы; б) о признании высокой опасности преступлений средней тяжести против жизни и здоровья и против половой неприкосновенности и половой свободы личности, позволяющей моделировать санкции за них, аналогичные санкциям за тяжкие преступления; в) об отсутствии принципиальных отличий в оценке характера опасности преступлений небольшой и средней тяжести против конституционных прав и свобод, позволяющих использовать в соответствующих нормах сходные модели санкций.

Исходя из этого, формулируется вывод, что законодатель интуитивно пытается при конструировании санкций совместить два различных критерия: с одной стороны, обобщенную оценку опасности преступления, выраженную в его категориальной принадлежности, а с другой стороны, содержательные особенности преступления, определяемые, прежде всего, его объектом, субъектом и механизмом причинения вреда. Однако такое «совмещение», а по сути – отсутствие единого критерия, не позволяет обеспечить

системность, согласованность и непротиворечивость санкций статей уголовного закона. Исправление ситуации видится в принципиальном разграничении этих критериев и соотнесением их с системой мер уголовно-правового воздействия, которая включает в себя наказания (основой выбора которых для формирования санкции должна стать оценка степени опасности преступления) и иные меры уголовно-правового характера (основой выбора которых должна стать оценка содержательных особенностей преступления, личности виновного, механизма, причин и условий совершения преступления).

В основе дифференциации уголовного наказания при конструировании санкций статей Особенной части УК РФ должна лежать, прежде всего, оптимальная и эффективная система уголовных наказаний. Ее совершенствование предполагает: а) исключение «неуниверсальных» и «дублирующих» наказаний в виде ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части; б) создание на основе нормативных положений о принудительных работах и лишении свободы, отбываемом в колонии-поселении, нового самостоятельного вида наказания с условным наименованием «принудительные работы»; в) придание статуса наказания конфискации имущества; г) формирование системы наказаний по принципу, в соответствии с которым то или иное право человека могло быть ограничено двумя различающимися карательным потенциалом видами наказания, в частности: право собственности – штрафом и конфискацией имущества; право на труд – исправительными и обязательными работами; право на свободу передвижения – ограничением свободы и арестом; право на свободу – лишением свободы и принудительными работами, право на жизнь – смертной казнью и пожизненным лишением свободы.

Санкция статьи Особенной части УК РФ (в том числе за преступления против личности) должна моделироваться законодателем: а) с учетом категориальной принадлежности преступления, при этом каждой категории преступления следует предпослать альтернативно размеры и виды всех тех из предусмотренных в системе наказаний видов, которые законодатель считает возможным назначить за преступление; б) таким образом, чтобы в ней было закреплено лишь одно наказание, альтернативно ограничивающее

то или иное право человека; в) с соблюдением общего правила о том, что более низкая категория посягательства требует большей альтернативности санкций, тогда как с возрастанием категории преступления альтернативность санкции должна быть ниже; г) с исключением принципиальной возможности установления в санкции преступлений небольшой тяжести наказания в виде лишения свободы более чем на один год, заменой его наказанием в виде принудительных работ; д) с сохранением существующей закономерности в части указания максимума наказания в санкциях преступлений небольшой и средней тяжести и одновременного указания минимума и максимума – в санкциях преступлений тяжких и особо тяжких; е) с учетом представления о том, что узкие рамки судейского усмотрения создают значительные риски в обеспечении справедливости наказания, в связи с чем для лишения свободы разрыв между верхним и нижним его порогом в санкции может составлять не более пяти лет; ж) с соблюдением правила о том, что лишение свободы может выступать альтернативой штрафа лишь в случае, когда его верхний предел существенно ниже максимально возможного для данной категории преступления; когда и если в санкции законодатель подчеркивает опасность преступления указанием на максимальный срок лишения свободы, штраф не должен рассматриваться в качестве его альтернативы; з) с соблюдением общих рекомендаций о соотношении размеров штрафа и срока лишения свободы: «высокий» и близкий к нему штраф может входить в санкцию, где предусматриваются принудительные работы или устанавливается лишение свободы сроком до трех лет; «средний» размер штрафа может корреспондировать кратким (1 – 2 года) срокам лишения свободы; «минимальный» и близкий к нему размер штрафа должен быть характерен для санкций, в которых не предусматривается лишение свободы; санкции за преступления средней тяжести с максимальным сроком наказания в пять лет лишения свободы не должны содержать альтернативы в виде штрафа; и) с учетом принципиального отказа от системы дополнительных наказаний.

Во **втором параграфе «Правила назначения наказаний и мер уголовно-правового характера в контексте дифференциации ответственности за преступления против личности»** отмечается, что единственным специальным дифференцирующим правилом назначения

наказания, обусловленным индивидуальным характером опасности преступления против личности, выступает примечание 1 к ст. 134 УК РФ. Однако оно оценивается в работе критически, воспринимается как неоправданная детализация общей нормы, установленной ст. 80.1 УК РФ, и предлагается к исключению. Иные специальные правила дифференциации процессов назначения и исполнения уголовного наказания в зависимости от специфики совершенного против интересов личности преступления (ст.ст. 73, 79, 80, 82 УК РФ) могут быть адекватно интерпретированы с позиций учения об исключительных нормах, социально-криминологическим обоснованием которых выступают, с одной стороны, типовой характер общественной опасности преступления, а с другой – данные о криминологических и рискологических характеристиках личности виновного. Вместе с тем, неразвитость теоретического учения о типовом характере общественной опасности обуславливает выборочный и несистемный характер дифференциации ответственности на основании данного критерия.

Далее исследуется вопрос о дифференциации мер уголовно-правового характера, в основе которой лежат данные об опасности не преступления, но личности виновного. Такие меры: а) могут быть применены лишь в случае совершения лицом преступления и признания этого лица виновным; б) содержательно отличаются от уголовного наказания тем, что не связаны с карой, не являются возданием за вину; в) ориентированы на решение по преимуществу исправительных и предупредительных задач и в этом отношении существенно дополняют и корректируют уголовно-правовое воздействие, оказываемое наказанием; г) конструируются и применяются с учетом не столько степени общественной опасности преступления, сколько учетом содержательной характеристики преступления, его направленности на тот или иной объект, механизма и сущности причиненного вреда, личности виновного.

В работе обосновывается, что в систему мер уголовно-правового характера целесообразно включить: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, административный надзор, лишение или ограничение родительских прав, возмещение вреда,

причиненного преступлением, принудительное лечение от сексуальных или иных психических расстройств.

Дифференциация мер уголовно-правового характера на основании совершенного преступления может заключаться исключительно в нормативном установлении обязанности суда применить те или иные меры в случае совершения отдельных преступлений против личности. В качестве общих рекомендаций относительно такой дифференциации предложено установление нормативной обязанности по применению:

- мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности малолетних и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), а равно иных лиц, совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, страдающих расстройством сексуального предпочтения (класс болезней F65, согласно МКБ-10), половой идентификации (класс болезней F64, согласно МКБ-10), иными психологическими и поведенческими расстройствами, связанными с половым развитием и ориентацией (класс болезней F66, согласно МКБ-10);

- мер, связанных с лишением или ограничением родительских прав, в отношении лиц, совершивших преступления против интересов своих несовершеннолетних детей, охраняемых разделом VII УК РФ;

- мер, связанных с возложением обязанности пройти курс социально-психологической помощи и реабилитации в отношении лиц, совершивших насильственные преступления против личности;

- мер, связанных с возмещением морального вреда, в отношении лиц, совершивших преступления против чести и достоинства личности;

- мер, связанных с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в отношении лиц, совершивших преступления против личности при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей;

- мер, связанных с установлением административного надзора, в отношении лиц, совершивших преступления против личности при наличии признаков рецидива.

В **заключении** определены итоги исследования, сформулированы основные теоретические выводы и рекомендации по совершенствованию нормативной основы дифференциации ответственности за преступления против личности.

Приложения содержат результаты проведенных автором статистических и документальных исследований.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, включенных в Перечень Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Мотин, А. В. Наказания за преступления против личности: дискуссионные вопросы видов и размеров / А. В. Мотин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2026. — № 5 (май). — С. 169—176 (0,92 п.л.).
2. Мотин, А. В. О совершенствовании перечня и применения мер уголовно-правового характера за преступления против личности / А. В. Мотин // Право и государство: теория и практика. — 2026. — № 5. — С. 404—408 (0,58 п.л.).
3. Мотин, А. В. Дифференциация наказания в санкциях уголовно-правовых норм о преступлениях против личности / А. В. Мотин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2026. — № 4 (апрель). — С. 215—223 (0,92 п.л.).
4. Мотин, А. В. Меры уголовно-правового характера за преступления против личности (к вопросу дифференциации ответственности) / А. В. Мотин // Аграрное и земельное право. — 2026. — № 3. — С. 567—570 (0,46 п.л.).
5. Мотин, А. В. Правила назначения наказания в контексте дифференциации ответственности за преступления против личности / А. В. Мотин // Юридическая гносеология. — 2026. — № 2. — С. 89—95 (0,87 п.л.).
6. Мотин, А. В. Динамический аспект межотраслевой дифференциации оснований ответственности за посягательства на личность / А. В. Мотин // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 3 (195). — С. 270—274 (0,66 п.л.).
7. Мотин, А. В. Соотношение преступлений и проступков против личности как проблема межотраслевой дифференциации ответственности / А. В.

Мотин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 2. — С. 147—155 (1,09 п.л.).
8. Мотин, А. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности посредством конструирования привилегированных составов преступлений / А. В. Мотин // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2021. — № 3-1. — С. 126—134 (0,85 п.л.).
9. Мотин, А. В. Выбор дополнительного объекта преступления и дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности / А. В. Мотин // Аграрное и земельное право. — 2021. — № 1 (193). — С. 115—119 (0,66 п.л.).
10. Мотин, А. В. Межотраслевая дифференциация видов ответственности за посягательства на личность / А. В. Мотин // Бизнес. Образование. Право. — 2020. — № 4 (53). — С. 284—293 (1,05 п.л.).
11. Мотин, А. В. Дифференциация ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков, отражающих элементы института множественности в структуре состава преступления / А. В. Мотин // Вестник Российского университета кооперации. — 2020. — № 3 (41). — С. 137—142 (0,7 п.л.).
12. Мотин, А. В. О некоторых вопросах дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков / А. В. Мотин // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Т. 10. — № 7А. — С. 127—141 (1,88 п.л.).
13. Мотин, А. В. Правовая природа некоторых квалифицирующих признаков в составах преступлений против личности / А. В. Мотин // Право и практика. — 2020. — № 3. — С. 92—99 (0,7 п.л.).
14. Мотин, А. В. Об исключении из Особенной части и вынесении в Общую часть УК РФ отдельных квалифицирующих признаков преступлений против личности / А. В. Мотин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2020. — № 8. — С. 90—97 (0,79 п.л.).
15. Мотин, А. В. О дополнении предписаний раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками / А. В. Мотин // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 8 (198). — С. 177—181 (0,6 п.л.).
16. Мотин, А. В. Проблемы уголовно-правовой оценки субъективных признаков соучастия в половых преступлениях / А. В. Мотин // Современная научная мысль. — 2017. — № 6. — С. 268—273 (0,53 п.л.).
17. Мотин, А. В. К вопросу о способе совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А. В. Мотин // Право и практика. — 2017. — № 3. — С. 36—48 (1,13 п.л.).
18. Мотин, А. В. О некоторых дискуссионных вопросах субъективной стороны половых преступлений / А. В. Мотин // Advances in Law Studies. — 2017. — Том 5. Выпуск 3 (25). — С. 279—286 (1,0 п.л.).

19. Мотин, А. В. Проблемные вопросы квалификации насильственных половых посягательств, предусмотренных статьями 131, 132 УК РФ, сопряженных с иными преступлениями / А. В. Мотин // Современная научная мысль. — 2017. — № 4. — С. 223—236 (1,21 п.л.).
20. Мотин, А. В. Возраст потерпевших лиц в составах преступлений главы 18 УК РФ / А. В. Мотин // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 6 (150). — С. 139—141 (0,35 п.л.).
21. Мотин, А. В. К вопросу об определении сексуальных действий в статьях об ответственности за насильственные половые преступления / А. В. Мотин // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2017. — № 2 (20). — С. 87—95 (0,79 п.л.).
22. Мотин, А. В. Проблемы квалификации покушения на преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А. В. Мотин // Научно-практический журнал «Общество и право». — 2017. — № 1 (59). — С. 68—73 (0,7 п.л.).
23. Мотин, А. В. Об отграничении продолжаемого полового преступления от их совокупности / А. В. Мотин // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2016. — № 6 (18). — С. 82—93 (1,05 п.л.).

Монографии:

24. Мотин, А. В. Преступления против личности: теоретические основы и основание дифференциации уголовной ответственности / А. В. Мотин. — Чебоксары: ИД «Среда», 2025. — 196 с. (11,39 п.л.)
25. Мотин, А. В. Проблемы дифференциации ответственности за преступления против личности / А. В. Мотин. — М.: Знание-М, 2021. — 240 с. (13,95 п.л.).
26. Мотин, А. В. Квалификация половых преступлений: монография / А. В. Мотин. — М.: Триумф, Лучшие книги, 2019. — 231 с. (13,28 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

27. Мотин, А. В. Криминализация и дифференциация ответственности за преступления против личности: проблемы соотношения / А. В. Мотин // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сб. науч. тр. 5-й Международ. науч. конф. — Курск, 30 сентября 2022 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 154—158 (0,26 п.л.).
28. Мотин, А. В. Выбор основного объекта преступления и дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности / А. В. Мотин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2021. — № 10. — С. 84—97 (0,66 п.л.).
29. Мотин, А. В. Проблема уголовной ответственности за эвтаназию / А. В. Мотин // THEORIA: педагогика, экономика, право. — 2021. — № 1 (2). — С. 88—95 (0,58 п.л.).
30. Мотин, А. В. Проблема «привилегированности» состава «детоубийства» / А. В. Мотин // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник науч. тр. 3-й Международ. науч. конф. с включением материалов

XI-ого круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России». — Курск, 26 марта 2021 года. — Том 1. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. — С. 338—345 (0,41 п.л.).

31. Мотин, А. В. Дифференциация ответственности в механизме уголовно-правового регулирования / А. В. Мотин // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием, Самара, 03-04 июня 2021 года. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. — С. 150—151 (0,27 п.л.).
32. Мотин, А. В. Дифференциация уголовной ответственности в процессе криминализации и систематизации преступлений против личности / А. В. Мотин // Инновационная парадигма развития системы права: Международная научно-практическая конференция. — Гомель, 19 февраля 2021 года. — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. — С. 136—139 (0,28 п.л.).
33. Мотин, А. В. Модели взаимодействия уголовной и административной ответственности (на примере посягательств на личность) / А. В. Мотин // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности: Сборник материалов круглого стола. — Тольятти, 24 ноября 2020 года / ред. В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин. — Тольятти: САМАРАМА, 2020. — С. 168—173 (0,35 п.л.).
34. Мотин, А. В. Выбор конструкции состава преступления и дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности / А. В. Мотин // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международ. науч. -практ. конф. — Рязань, 18 — 19 ноября 2020 года. — В 6-ти томах. Том 1. — Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. — С. 136—140 (0,36 п.л.).
35. Мотин, А. В. Дифференцирующие ответственность за половые преступления обстоятельства в статьях особенной части Уголовных кодексов России и Киргизии / А. В. Мотин // Право и правоприменение в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Новосибирск, 24-26 сентября 2020 года. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. — С. 311—314 (0,47 п.л.).
36. Мотин, А. В. О юридико-техническом совершенствовании системы квалифицирующих признаков преступлений против личности по УК РФ / А. В. Мотин // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 30-31 октября 2020 года / под ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб.: Астерион, 2020. — С. 174—178 (0,29 п.л.).
37. Мотин, А. В. О возможности унификации квалифицирующих признаков преступлений против личности / А. В. Мотин // Актуальные вопросы

борьбы с преступностью: Сборник материалов Второй заочной международной научно-практической конференции кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: МГУ, 2020. — С. 79—81 (0,2 п.л.).
38. Мотин, А. В. Совершение развратных действий посредством телекоммуникационных сетей / А. В. Мотин // Актуальные проблемы современного российского права: Материалы X Международной научно-практической конференции. — Невинномысск, 07–08 июня 2018 года. — Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2018. — С. 235—240 (0,32 п.л.).
39. Мотин, А. В. Об ответственности за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних при отягчающем обстоятельстве, указанном в пункте «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ / А. В. Мотин // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. — 2018. — № 2 (26). — С. 93—98 (0,8 п.л.).
40. Мотин, А. В. Потерпевшее лицо в преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А. В. Мотин // Верховенство права и правовое государство: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Волгоград, 1 ноября 2017 г. — Уфа: АЭТЕРНА, 2017. — С. 150—153 (0,23 п.л.).
41. Мотин, А. В. Уголовно-правовая характеристика субъекта преступлений, предусмотренных статьями 131-135 Уголовного кодекса России / А. В. Мотин // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 07 (21). — С. 35—38 (0,33 п.л.).
42. Мотин, А. В. Об определении объекта преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ / А. В. Мотин // Экономика, социология и право. — 2017. — № 6. — С. 35—40 (0,7 п.л.).
43. Мотин, А. В. Момент окончания половых преступлений по действующему уголовному законодательству России / А. В. Мотин // Государство и право в условиях гражданского общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Пенза, 13 июня 2017 г. — В 2 ч. Ч. 2. — Уфа: АЭТЕРНА, 2017. — С. 4—7 (0,23 п.л.).
44. Мотин, А. В. К вопросу о дифференциации ответственности за ненасильственные половые преступления / А. В. Мотин // Уголовная ответственность и наказание: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / под ред. В.Ф. Лапшина. — Рязань, 17 февраля 2017 г. — Рязань: Академия ФСИН России, 2017. — С. 306—312 (0,41 п.л.).
45. Мотин, А. В. Некоторые вопросы квалификации половых преступлений по правилам совокупности / А. В. Мотин // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: мат. IV Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. — Москва, 27 октября 2016 г. — М.: РГУП, 2017. — С. 169—185 (1,1 п.л.).

46. Мотин, А. В. Проблемы квалификации насильственных половых преступлений, сопряженных с убийством / А. В. Мотин // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. — Краснодар, 30 сентября 2016 года: в 2 т. — Т. 2. / редкол.: К. В. Вишневецкий, И. А. Паршина, И. В. Танага, П. В. Максимов, А. З. Хун. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. — С. 239—246 (0,47 п.л.).
47. Мотин, А. В. Ответственность за половые преступления по Уголовному уложению 1903 года / А. В. Мотин // Проблемы российского законодательства: история и современность: мат. Международ. науч.-практ. конф. — Тольятти, 21-22 февр. 2012 г. — Самара: Самар. гуманит. акад., 2012. — С. 19—24 (0,35 п.л.).
48. Мотин, А. В. Ответственность за мужеложство по советскому уголовному законодательству / А. В. Мотин // Проблемы российского законодательства: история и современность: мат. Межрегион. науч.-практ. конф. / редкол.: Р.В. Закомолдин [и др.]. — Тольятти, 24-25 февр. 2011 г. — Самара: Самар. гуманит. акад., 2011. — С. 5—12 (0,47 п.л.).
49. Мотин, А. В. О некоторых вопросах правового регулирования ответственности за половые преступления в отношении несовершеннолетних / А. В. Мотин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2010. — № 3. — С. 133—134 (0,12 п.л.).